

УДК 902; 94(470)

**НОРМАТИВНОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЦИОЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1910–1920-Х ГГ.:
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА
ДЕКРЕТОВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ¹**

© **Валерий Владимирович КАНИЩЕВ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры всеобщей и российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

© **Нина Сергеевна ЦИНЦАДЗЕ**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры всеобщей и российской истории,
e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

Впервые на основе сплошного изучения опубликованных нормативных и административных актов первых лет советской власти (1917–1921 гг.) и применения контент-анализа, одного из количественных методов современной исторической науки, исследованы особенности восприятия государственной властью демографических и экологических проблем российской деревни в переломный момент перехода от традиционного к индустриальному типу общества. Анализ более сотни выявленных документов по данной тематике позволил нам объективно оценить уровень осознанности и заинтересованности советской власти в решении демоэкологических проблем. В результате сделаны выводы о том, что экологические вопросы использования природных ресурсов в сельском хозяйстве решались властями наряду с прочими хозяйственными вопросами. Демографические проблемы также не являлись самостоятельными и были частью социально-экономической политики. Насущными задачами были максимальное увеличение посевной площади с целью решения продовольственной проблемы, сдерживание населения в границах Европейской России для обработки земли и восстановления сельского хозяйства, вырубка лесов на экспорт. Проблемы рационального природопользования, как и в дореволюционное время, откладывались на потом.

Ключевые слова: позднее аграрное общество России; демографический кризис; экологический кризис; декреты советской власти; советское общество; контент-анализ; клиометрика.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-2(154)-76-85

Все более характерной чертой современной науки становятся междисциплинарные подходы, которые позволяют взаимно дополнять взгляды на один и тот же объект с позиций разных областей знания. Важным, на наш взгляд, представляется использование методов точных и естественных наук в гуманитарных, в т. ч. исторических исследованиях. Одним из таких методов может служить контент-анализ, который направлен на выявление и количественный обсчет частоты упоминаний ключевых слов и словосочетаний (смысловых единиц, по терминологии контент-анализа) во внешне разнородных

многочисленных текстах [1–3]. Это позволяет увидеть внутренние связи таких текстов.

Еще одним подходом в исторических исследованиях стало использование методов естественных наук, в частности, появление такого направления, как экологическая история. Исследования, основанные на сотрудничестве гуманитарных и естественных наук, как заметила Ю.А. Лайус, «позволяют воссоздать целостную картину истории взаимодействия природы и общества, взаимообогащать две сферы научного знания, имеющие один предмет исследования» [4, с. 8]. Разделяем ее позицию и о необходимости применения кросс-дисциплинарных исследований при изучении социальных явлений и природных процессов.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (Государственный контракт № 33.956.2014/К).

Активные междисциплинарные контакты историков и агрономов второй половины XX в., согласно наблюдениям бельгийской исследовательницы Х.Л. де Винтер, способствовали появлению нового поколения агроэкологических историков и постановке ими новых исследовательских задач на стыке естественных и гуманитарных наук [5]. И это, безусловно, создает новые направления исследований, стимулирует научный поиск.

Проблемы экологической истории России становятся центральной темой известных академических периодических изданий в России и за рубежом. Так, первый в 2015 г. выпуск авторитетного международного журнала "Slavonic and East European Review" был полностью посвящен осознанию и решению вопросов взаимодействия общества и окружающей природной среды в дореволюционной и советской России. Мы же рассматриваем свою работу как составную часть исследований по социоестественной истории, инициированных Э.С. Кульпиным-Губайдуллиным [6].

Данная статья является продолжением нашего исследования особенностей восприятия государством негативных демоэкологических проявлений аграрного развития раннесоветской деревни [7].

Источниковая база исследования. Выбор в качестве источниковой базы нашего исследования «Декретов Советской власти» в первую очередь обусловлен огромным массивом опубликованных в сборнике документов, что делает контент-анализ весьма представительным. Отбор законодательных актов историко-экологической направленности связан не только с научными интересами авторов, но и с возможностью выделить компактный и, вместе с тем, достаточно репрезентативный комплекс источников среди огромного массива весьма разнородных документов. С чисто исторической точки зрения было важно увидеть, что и в труднейших военно-революционных условиях советское государство пыталось как-то регулировать экологические проблемы.

Мы учитывали, что экологические процессы в доиндустриальных обществах были тесным образом связаны с демографическими процессами (антропогенная нагрузка на природную среду), поэтому в названии статьи употреблено понятие социоестественной

истории, а в тексте порой говорится о демоэкологических проблемах, которые приходилось решать советским властям в своих законодательных актах.

Мы провели исследование законодательных и распорядительных актов высших органов власти РСФСР за период с октября 1917 г. по август 1921 г., беря за основу имеющиеся в них важные для нашей темы и «удобные» для контент-анализа смысловые единицы:

- 1) форма нормативных и административных актов;
- 2) вид природных ресурсов;
- 3) демоэкологические проблемы;
- 4) способы охраны природы;
- 5) методы решения демоэкологических проблем.

Базовый метод исследования. Такой методический прием, как контент-анализ, позволил нам объективно оценить уровень осознанности и заинтересованности советской власти в решении демоэкологических проблем. Благо, изученный исторический источник обладает всеми необходимыми для контент-анализа качествами: он формализован, объемен, отражает изменения во временной динамике, относительно однороден. Контент-анализ позволяет анализировать количественные показатели смысловых единиц большого массива нарративного материала, выявлять взаимосвязь между заранее определенными единицами счета и делать обоснованные выводы.

Исходя из специфики исследуемых вопросов, макет контент-анализа декретов советской власти был составлен следующим образом: мы поместили в него реквизиты нормативных и административных актов (название документа и органа его принявшего или утвердившего, дату принятия) и выбрали для сопоставления пять групп смысловых единиц (разновидность правовой формы документов, вид природных ресурсов, демоэкологические проблемы, способы охраны природы и методы решения демоэкологических проблем). Коды единиц счета присваивались по мере анализа документов (см. приложение).

Самой объемной оказалась группа кодов смысловой единицы «методы решения демоэкологических проблем» – она насчитывает 36 единиц счета. Мы сознательно не стали

слишком укрупнять данные закодированные словосочетания с тем, чтобы отразить сложность решаемых властью демоэкологических проблем и многообразие подходов к ним.

Виды природных ресурсов отразились в 6 единицах счета, демоэкологических проблем – в 12, способы охраны природы – в 14. Все смысловые единицы нашли отражение в 9 видах нормативно-административных актов.

Безусловно, составленный нами макет контент-анализа не претендует на безапелляционность и однозначность. Главный результат такого анализа состоит в том, что в обилии, разнообразии и, казалось бы, неповторимости текстового материала удалось выявить более-менее определенную количественную частоту и частотность упоминаний проявлений демоэкологического кризиса в постреволюционной России и мероприятий советского государства по их преодолению. Рассмотрение этих проявлений и мер в сочетании со временем их отражения в нормативно-административных актах позволило определить, какие именно проблемы стали очевидны современникам-представителям власти, и каким образом правительство их собиралось преодолевать. Достаточно объективный метод контент-анализа помог нам «с высоты времени» увидеть те проблемы, которые советская власть в 1910–1920-е гг. еще не замечала (или не хотела замечать) в силу разных причин и обстоятельств, но которые в последующем громко заявляли о себе и требовали уже немедленного решения.

Оговоримся о том, что грань между концептами «охрана природы» и «решение демоэкологических проблем» весьма тонкая и подвижная. Однако, выделяя их в качестве самостоятельных смысловых единиц, мы руководствовались тем, что уже к тому времени современники четко понимали важность природоохраны вообще и отдельных ее элементов в частности. Еще накануне революции были приняты закон об охоте, новый лесоохранительный закон, закон о водоохраных лесах, обсуждался проект «Водного устава», закона о безопасной для окружающей среды транспортировки нефти и т. д. В качестве отдельной темы современниками обсуждались вопросы решения экологических проблем: создание опытных сельскохозяйственных станций, проведение широких мелиоративных работ в Европейской России,

осуществление научных экспедиционных исследований и пр.

В своих работах мы уже не раз обращали внимание на степень осмысленности современниками (властью и обществом) проблем биогеоценоза и роли в них человека (демографический фактор) [8; 9]. Наблюдатели негативных демоэкологических процессов и ближайшие их потомки указывали на взаимообусловленность хозяйственно-экономических и антропогенных факторов их генезиса. Соответственно, и задачи охраны природы (в широком смысле), и «точечного» решения социоестественных проблем шли параллельно, были нацелены на устранение их последствий, очень редко причин, взаимодействуя, не сливаясь в единое целое.

Результаты контент-анализа. Контент-анализ текстового материала декретов советской власти показал, что наиболее распространенной формой нормативных и административных актов демоэкологической направленности был декрет или постановление (75 документов (70 %)). Намного меньше принималось предписаний (12 документов (11,2 %)), положений, инструкций и воззваний (по 4 документа (3,7 %)), законов и радио- и телеграмм (по 3 документа (2,8 %)). В единичных случаях (0,9 %) были представлены распоряжение и резолюция. Такой результат очевиден – даже сам сборник документов указывает на то, что в нем сконцентрированы в большей мере декреты, да и для первого постреволюционного десятилетия был характерен именно такой вид властного распоряжения [10; 11]. Этот вид нормативных актов больше отражал намерения революционных властей, нежели стремление к конкретному регулированию важных для государства процессов.

Наиболее часто встречаемым в документах природным ресурсом, относительно которого принимались нормативно-административные акты, была земля (53 факта (49,5 %)), на втором месте по частоте упоминаний шли природные ресурсы вообще (24 факта (22,4 %)), далее следовали упоминания о лесе и лесных ресурсах (14 фактов (13 %)), фауне (12 фактов (11,2 %)), лугах и сенокосах (6 фактов (5,6 %)), водных ресурсах (4 факта (3,7 %)). Понятно, что земля стоит в документах на первом месте по числу упоминаний как важнейший хозяйственный ресурс

российского, в целом еще аграрного социума. С социально-правовой точки зрения, земельный вопрос был болезненным для российского общества многих десятилетий пореформенного периода. Не удивительно, что помимо сугубо декларативных установок (знаменитый декрет «О земле») количество упоминаний конкретных законодательных мер по перераспределению земли, расширению площади обрабатываемых участков, удовлетворению потребностей малоземельного крестьянства, повышению плодородия почв занимали наибольшее место во всей нашей выборке «Декретов Советской власти».

Как показал контент-анализ, частые упоминания о земле как сельхозресурсе явно коррелируют с упоминаниями такой непосредственно экологической проблемы, как снижение плодородия почв земли (44 случая (41 %)). Сравнительно часто упоминается и острейшая на тот период проблема неурожая и массового голода (31 случай (29 %)). Ухудшение качества обработки земли во время Первой мировой войны и последующих военно-революционных событий, а также снижение качества посевного материала (7 упоминаний (6,5 %)) и распространение вредителей сельского хозяйства (2 упоминания (1,9 %)) существенно снизили плодородие почв, что наряду с сугубо природными факторами увеличивали опасность неурожая и соответственно – голода. При этом осознание фактора демографической нагрузки на природные ресурсы, в особенности землю, было сравнительно низким – законодатель об этом упомянул лишь в 8 случаях (7,5 %).

Проблема неурожая и голода решалась мобилизационно-распределительным способом – посредством государственного регулирования продовольственного обеспечения населения голодавших районов, перераспределения хлебных запасов, посевного семенного фонда, предоставления налоговых льгот жителям районов, охваченных природным бедствием (24 упоминания (22 %)).

Среди методов непосредственного решения проблемы истощения земли мы выявили такие, как повышение плодородия почв (19 упоминаний (18 %)), расширение площади обрабатываемых земель и набора высеваемых культур, расширение кормового травосеяния и многопольных севооборотов (17 упоминаний (16 %)), повышения уровня

сельскохозяйственных знаний населения, сельхозпросвещение (14 упоминаний (13 %)). Таким образом, у правительства присутствовало осознание необходимости повышать производительность земли и уровень сельхозграмотности сельского населения при одновременном расширении площади засеваемых земель. В 8 случаях (7 %) упоминаются следующие меры:

- централизация мелиоративных мероприятий в стране, массовое создание мелиоративных товариществ;
- повышение уровня агрономической помощи населению, активное вовлечение специалистов сельского хозяйства в работу на селе;
- обеспечение крестьянских хозяйств сельхозорудиями и машинами;
- переселение избыточного населения на восток и юго-восток страны.

7 раз (6,5 %) в изученном массиве документов упоминается расширение практики удобрения почв. В 6 случаях (5,6 %) выявлено упоминание восстановления и обобществления сельского хозяйства страны; в 4 (3,7 %) – развитие огородничества; в 5 (4,7 %) – меры по улучшению землепользования и агрономии (устранение чересполосицы, дальнотелье, установление правильных межевых границ; укрепление песков и оврагов; сохранение и приумножение запасов элитного зерна, повышение качества посевного материала; сохранение и расширение сети опытных станций, полей, питомников и имений с рациональным хозяйством, культурных и технических центров; в 2 (1,9 %) – запрещение переделов земли, по одному разу (0,9 %) – меры по осуществлению агрономических мер по ликвидации последствий засухи, созданию запасного земельного фонда.

В единичных случаях зафиксированы меры по государственному имущественному страхованию от стихийных природных бедствий, оказанию хозяйственной помощи пострадавшим от них; централизации метеорологических наблюдений в стране; борьбе с вредителями сельского хозяйства. Особым способом повышения плодородия почв и одновременно мерой по охране леса являлся запрет распахивать защитные леса, содержащиеся в «Основном законе о лесах» 27 мая 1918 г. [12, с. 312-329].

Следующим после земли ценным ресурсом, как следует из источника, был лес. В 15 случаях (14 %) законодатель зафиксировал явную проблему сокращения площади лесов. Аграрное общество России того времени к лесам относилось главным образом утилитарно. Однако частые лесные пожары, несанкционированные вырубki, нерациональное использование лесных материалов гражданами и организациями, распространение насекомых-вредителей, в некоторых случаях уничтожение водоохраных лесов подтолкнуло правительство к более энергичному законодательно-административному регулированию вопросов лесопользования. В частности, среди мер по охране природы мы встретили такие, как «лесовозвращение» (аутентичный термин) и охрана лесов вообще (9 случаев (8)), охрана лесов от пожаров, порчи, потрав и пр. (5 случаев (4,7)), объявление лесных участков защитными (2 случая (1,9)). По одному разу (0,9 %) упоминаются мероприятия, связанные с осуществлением облесительных мероприятий по заявлению граждан, сокращением лесопользования в интересах сельского хозяйства, организацией праздников древонасаждения, обеспечением бережного расходования гражданами полученных лесных материалов. Немаловажное значение придавалось повышению уровня культуры общественного лесопользования. Способы охраны леса были закреплены в «Основном законе о лесах» от 27 мая 1918 г. [12, с. 317-318, 324-325, 327].

Среди предлагавшихся законодателем мер, направленных на решение проблемы сокращения площади лесов, нами были выявлены следующие: нормативное регулирование объемов лесопользования населением и организациями (12 случаев (11)), централизация управления лесным хозяйством (9 случаев (8)), увеличение площади лесов (7 упоминаний (6,5)), повышение денежного содержания лесной стражи, сохранение кадров лесных работников (2 упоминания (1,9)).

На третьем месте среди упоминаемых законодателем ресурсов стояла фауна (дикие и одомашненные животные и птицы) с ее проблемами: упадок племенного скотоводства, животноводства и птицеводства (9 упоминаний (8)), эпизоотии (3 упоминания (2,8)), сокращение популяции диких жи-

вотных и птиц (2 случая (1,9)). Специальными декретами СНК «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» 27 мая 1919 г. и «Об охоте» 20 июля 1920 г. устанавливались способы охраны диких животных и птиц от неконтролируемого истребления: сохранение популяции диких животных и птиц, введение заповедных для охоты мест, организация заповедников, заказников, зооферм и пр., установление специальных сроков для охоты в лесах, введение правил охоты [13, с. 244-245; 14, с. 243-245]. В качестве одной из мер по решению этой проблемы упоминалось создание научных основ охотоведения.

С целью решения данной проблемы применительно к нуждам сельского хозяйства закреплялись следующие меры: государственное регулирование кормового обеспечения скота населения голодавших районов (24 упоминания (22)), рациональное использование сельскохозяйственных животных (4 случая (3,7)), закупка для нужд сельского хозяйства лошадей в Средней Азии, компенсация крестьянам стоимости лошадей при их падеже (3 случая (2,8)), сохранение и поддержка племенного животноводства и птицеводства (2 случая (1,9)), государственное регулирование борьбы с эпизоотиями (2 случая (1,9)), централизация ветеринарного дела в стране (1 упоминание (0,9)).

Проблемы сокращения площади лугов и сенокосов упоминалась в нашей выборке в 6 случаях (5,6 %). Специальных мер по охране лугов не было закреплено. В качестве методов сохранения и расширения их площади определялись увеличение площади технических культур, расширение кормового травосеяния, многопольные севообороты (17 упоминаний (16)).

Как мы отмечали, законодатель сравнительно редко обращал внимание на проблемы истощения водных ресурсов (4 случая (3,7)). И все-таки надо отдать должное советскому правительству, которое в декрете СНК «О рыбной промышленности и рыболовстве» от 31 мая 1921 г. закрепило специальные способы охраны водных ресурсов страны: дважды (1,9 %) упоминается государственное регулирование правил и условий рыбной ловли в морях и реках; по одному разу – введение запретных для рыболовства зон; установление запретных периодов и

орудий рыбного лова [15, с. 227-230]. Методы решения проблемы власть видела в централизации управления рыбным хозяйством (2 случая (1,9 %)) и управления водным хозяйством страны (1 случай (0,9 %)); а также в рациональном использовании рыбных ресурсов (1 случай (0,9 %)).

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что истощение природных ресурсов вообще упоминалось в 18 случаях (16,8 %), а методы по их совокупному рациональному использованию – в 13 (12 %). Отдельной мерой решения проблемы истощения ресурсов вообще был их учет и изучение. Так, в постановление СНК «О работах Академии наук по изучению естественных богатств страны», принятом 12 апреля 1918 г., предусматривалось финансирование планируемого Академией наук исследования природных ресурсов РСФСР [12, с. 94].

В завершение контент-анализа мы проследили взаимосвязь между временем принятия / утверждения нормативных актов и демоэкологическими проблемами, упоминаемыми в них (табл. 1).

Как видно, самыми «проблемными» в демоэкологическом отношении были 1920 и 1921 гг., на которые совокупно приходится 74 %, или 3/4 всего материала источников.

Это объясняется, безусловно, крайне неблагоприятными климатическими условиями того периода: засухой в Европейской части РСФСР, последовавшими за ней неурожаем и голодом. Неслучайно, что снижение плодородия почв фиксировалось в 24 случаях именно в 1921 г. с почти трехкратным превышением по сравнению с 1920 г. и восьмикратным – по сравнению с 1919 г. Проблема неурожая и голода также «выстреливает» в документах в 1921 г. с десятикратным разрывом с 1919 г. и чуть более двукратным – с 1920 г. Демографическая нагрузка на природные ресурсы чаще встречается в документах, датированных 1920 г.

Повышенным вниманием властей в 1921 г. также пользовались проблемы упадка племенного скотоводства, животноводства и птицеводства, истощение водных ресурсов, распространения вредителей сельского хозяйства. Сокращение площади лугов и сенокосов впервые упоминалось на одинаковом уровне в 1920 и 1921 гг. В те злополучные годы также впервые за изученный период фиксировались в нормативных актах эпизоотии. Проблема сокращения популяции диких животных и птиц менее всего волновала властей.

Таблица 1

Взаимосвязь времени принятия / утверждения
нормативного / административного акта и единиц счета

№	Демоэкологическая проблема	Год принятия / утверждения нормативного / административного акта				
		1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
11	Истощение природных ресурсов вообще	0	6	4	2	6
22	Снижение плодородия почв	1	7	3	9	24
33	Демографическая нагрузка на природные ресурсы (перенаселение, малоземелье)	0	1	1	4	2
44	Сокращение площади лесов (вырубка, лесные пожары)	0	4	3	7	2
55	Неурожай и голод	0	1	2	9	21
66	Снижение качества посевного материала	0	1	1	2	3
77	Сокращение популяции диких животных и птиц	0	0	1	1	0
88	Упадок племенного скотоводства, животноводства и птицеводства	0	1	0	3	5
99	Эпизоотии	0	0	0	2	1
110	Истощение водных ресурсов	0	0	0	1	3
111	Сокращение площади лугов и сенокосов	0	0	0	3	3
112	Распространение вредителей сельского хозяйства	0	0	0	0	2

Интересно и то, что вся выборка распределась по годам так: за 1917 г. 1 документ (0,9 %), за 1918 г. – 15 (14 %), за 1919 г. – 12 (11 %), за 1920 г. – 30 (28 %), за 1921 г. – 49 документов (46 %). Конечно, мы учитывали, что нормотворчество большевиков ведет отсчет с конца октября 1917 г., и это объясняет немногочисленность упоминаний изучаемых проблем в первые месяцы после утверждения нового политического режима. И все-таки в каждом из последующих лет число декретов изучаемой направленности в среднем за месяц было больше, чем в октябре–декабре 1917 г. Наверное, в эти первые месяцы большевикам просто было не до социоестественных проблем. К тому же, как показало изучение сезонного распределения фиксации в нормативных и административных актах демозоологических проблем, осенне-зимний период был наименее продуктивным в подобном нормотворчестве во все рассмотренные годы. В 1918 г. доминирует весенний, в 1919 г. – весенне-летний, в 1920 г. – летний, в 1921 г. – летний периоды. На втором месте по частоте упоминаний экологических проблем практически во всех годах следует осень. Именно в весенне-летний период при обсуждении планов посевных и предстоящих уборочных кампаний и осенний – по итогам уборочных кампаний – особенно рельефно обозначались в документах социоестественные проблемы в сельском хозяйстве. Для 1921 г. катализатором властного регламентирования, без сомнения, выступила летняя засуха и начавшийся голод.

Экологические и демографические аспекты использования природных ресурсов в сельском хозяйстве, как следует из проанализированных материалов, решались попутно, заодно с земельным, продовольственным, посевным и прочими вопросами. Из проанализированного массива документов больше 2/3 содержали властные предписания по поводу землепользования, лесопользования и решения продовольственного кризиса как следствия неурожая, и почти 5 % – регламентирования переселения и расселения голодавшего крестьянства Центра России. Самостоятельного статуса демографические и экологические проблемы еще не приобрели. Например, важнейшие вопросы рационального водопользования и водной мелиорации

занимали лишь 3 % изученного законодательного массива.

Однако уже в тот период можно обнаружить тенденцию к обособлению экологических проблем в государственной внутренней политике (законы о лесе, охоте, рыбных промыслах, централизации ветеринарного дела и метеорологической службы, создании мелиоративных товариществ и пр.). При этом большевики вполне разумно пытались решить проблемы путем усиления кадрового потенциала сельхозведомств и органов (это нашло отражение в 12 документах, или 11 % законов и предписаний).

Большое значение советская власть образца конца 1910–1920-х гг. уделяла вопросу повышения уровня сельскохозяйственных знаний населения, общей культуры природопользования. Тем самым, через регулярное просвещение сельского населения (сельскохозяйственные курсы, чтения, беседы, опытно-показательные мероприятия и пр.) она пыталась поднять производительность в аграрном секторе экономики и решить некоторые экологические проблемы.

Бесспорно, демозоологическая проблематика в военно-революционных условиях не могла быть приоритетной. Казалось бы, что власть должна была больше беспокоиться о решении продовольственного вопроса, застарелого земельного, нежели о сохранении лесов, лугов, восстановлении экосистемы и пр. Ведь гибли люди, рушилась старая жизнь, и в этом сломе было не до этого. Однако в постановлениях властных и партийных органов мы все же обнаружили вкрапления демозоологических мотивов. Они в большей мере были не на первом плане, а в связи с необходимостью решения многочисленных хозяйственно-экономических проблем. Однако их присутствие позволяет проанализировать и названный исторический источник, и действия советской власти под новым углом зрения социоестественной и демографической истории.

Список литературы

1. *Бородкин Л.И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1986.
2. *Миронов Б.Н.* Историк и социология. Л., 1984.

3. Клиометрика. Теория и методология истории / отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2014.
4. Лайус Ю.А. История изучения природных ресурсов как «общая территория» истории биологии и экологической истории // Историко-биологические исследования. 2010. № 4. С. 7-12.
5. De Winter H.L. Down to earth: historians and historiography of soil knowledge (1975–2011) // Историко-биологические исследования. 2012. № 1. С. 73-91.
6. Кульпин Э.С. Бифуркация Запад–Восток. Введение в социоестественную историю. М., 1996.
7. Цинцадзе Н.С. Советская власть и социоестественные проблемы сельского хозяйства РСФСР в 1910–1920-е гг.: опыт нормативно-правового регулирования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып 1 (153).
8. Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Восприятие государственной властью эколого-демографических проблем развития аграрного общества во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 8 (100). С. 273-283.
9. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX в. в восприятии современников: монография / отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов, 2012.
10. Керимов А.Д. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955.
11. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1965.
12. Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
13. Декреты Советской власти. Т. 5. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971.
14. Декреты Советской власти. Т. 9. Июнь–июль 1920 г. М., 1978.
15. Декреты Советской власти. Т. 15. Май 1921 г. М., 1999.
2. Mironov B.N. Istorik i sotsiologiya. Leningrad, 1984.
3. Alekseev V.V., Kradin N.N., Korotaev A.V., Grinin L.E. (eds.). *Kliometrika. Teoriya i metodologiya istorii: uchebnyk dlya vuzov*. Volgograd, 2014.
4. Layus Yu.A. Istoriya izucheniya prirodnykh resursov kak “obshchaya territoriya” istorii biologii i ekologicheskoy istorii. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 4, pp. 7-12.
5. De Winter H.L. Down to earth: historians and historiography of soil knowledge (1975–2011). *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2012, no. 1, pp. 73-91.
6. Kul'pin E.S. *Bifurkatsiya Zapad–Vostok. Vvedenie v sotsioestestvennyuyu istoriyu*. Moscow, 1996.
7. Tsintsadze N.S. Sovetskaya vlast' i sotsioestestvennyye problemy sel'skogo khozyaystva RSFSR v 1910–1920-e gg.: opyt normativno-pravovogo regulirovaniya. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2016, vol. 21, no. 1 (153).
8. Kanishchev V.V., Tsintsadze N.S. Vospriyatie gosudarstvennoy vlast'yu ekologo-demograficheskikh problem razvitiya agrarnogo obshchestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*. Tambov, 2011, vol. 8 (100), pp. 273-283.
9. Tsintsadze N.S. *Demograficheskie i ekologicheskie problemy razvitiya agrarnogo obshchestva Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. v vospriyatii sovremennikov*. Tambov, 2012.
10. Kerimov A.D. *Zakonodatel'naya deyatelnost' Sovetskogo gosudarstva*. Moscow, 1955.
11. Gorodetskiy E.N. *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva*. Moscow, 1965.
12. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. Moscow, 1959.
13. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 5. 1 aprelya – 31 iyulya 1919 g. Moscow, 1971.
14. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 9. Iyun'–iyul' 1920 g. Moscow, 1978.
15. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. 15. May 1921 g. Moscow, 1999.

References

1. Borodkin L.I. *Mnogomernyy statisticheskiy analiz v istoricheskikh issledovaniyakh*. Moscow, 1986.

Поступила в редакцию 08.02.2016 г.
Received 8 February 2016

Фрагмент макета контент-анализа декретов советской власти

Реквизиты документа			Смысловые единицы				
			1	2	3	4	5
№ п/п	Название документа и органа его принявшего (утвердившего)	Дата принятия	Форма нормативных и административных актов	Вид природных ресурсов	Демоэкологические проблемы	Способы охраны природы	Методы решения демоэкологических проблем
1	Декрет «О земле», принятый II Всероссийским съездом Советов	26 октября (8 ноября) 1917 г.	2	2	2		2, 6, 7, 8, 13, 19, 23
12	«Основной закон о социализации земли», принятый III Всероссийским съездом Советов и утвержденный ВЦИК	27 января (9 февраля) 1918 г.	1	1	1, 2, 3		1, 2, 3, 4, 9, 10, 14
					8		29
...
1107	Постановление Президиума ВЦИК «Об утверждении постановления Комиссии помощи голодающим о заготовке 3 млн пудов картофеля»	22 августа 1921 г.	2	2	2, 5		21

Фрагмент кодировки единиц текста

1. Форма нормативных и административных актов

1.1. Закон

1.2. Декрет (постановление)

...

1.9. Радио- и телеграмма

2. Вид природных ресурсов

2.1. Природные ресурсы вообще

2.2. Земля

...

2.6. Фауна (дикие и одомашненные животные и птицы)

3. Демоэкологические проблемы

3.1. Истощение природных ресурсов вообще

3.2. Снижение плодородия почв

...

3.12. Распространение вредителей сельского хозяйства

4. Способы охраны природы

4.1. Объявление лесных участков защитными

4.2. Осуществление облесительных мероприятий по заявлению граждан

...

4.14. Государственное регулирование правил и условий рыбной ловли в морях и реках

5. Методы решения демоэкологических проблем

5.1. Рациональное использование природных ресурсов вообще

5.2. Повышение плодородия почв

...

5.36. Осуществление агрономических мер по ликвидации последствий засухи

UDC 902; 94(470)

NORMATIVE AND ADMINISTRATIVE REGULATION OF SOCIAL AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF SOVIET SOCIETY IN 1910–1920-s: SOME RESULTS OF CONTENT-ANALYSIS OF THE SOVIET POWER DECREES

Valeriy Vladimirovich KANISHCHEV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of History, Professor of General and Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

Nina Sergeevna TSINTSADZE, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor, Doctoral Candidate of General and Russian History Department, e-mail: ninatsintsadze2010@yandex.ru

For the first time the peculiarities of the state power's perception of demographic and environmental problems in the Russian village at a turning point of transition from a traditional to an industrial type of society are studied. Investigation is based on the complete study of published normative and administrative acts of the first years of Soviet authority (1917–1921s), and on the use of content-analysis, one of the quantitative methods of modern historical science. The analysis of more than a hundred revealed papers on the subject has allowed evaluate objectively the Soviet government's level of consciousness and interest in the decision of demographic and ecological problems. Eventually, conclusions what environmental issues of use of natural resources in agriculture were resolved by the authorities at one with other economic issues. Demographic problems also were not a separate and were part of a social and economic policy. Immediate objectives were the maximum increase of the cultivated area in order to solve the food problem, restraining the population within the borders of European Russia for cultivation and restoration of agriculture, felling of forests for export. Issues of the reasonable environmental management, as well as in the pre-revolutionary time, were postponed for later.

Key words: Russia's later agrarian society; demographic crisis; environmental crisis; Soviet government decrees; Soviet society; content-analysis; cliometrics.

DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-2(154)-76-85